

Иван Сергеевич Тургенев

Фауст, траг. Соч. Гёте.

**Перевод первой и изложение
второй части. М. Вронченко**

Иван Сергеевич Тургенев
Фауст, траг. Соч. Гёте.
Перевод первой и изложение
второй части. М. Вронченко

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001425

Аннотация

Статья Тургенева является образцом философской, общественно активной критики, за которую ратовал Белинский. «Фауст» Гёте для Тургенева – это произведение, пронизанное страстной, ищущей мыслью, это апофеоз борьбы человеческой личности за свои права. Однако Гёте ограничил страстные поиски Фаустом истинного смысла жизни узкой сферой «лично-человеческого», и в этом Тургенев видел причину неудачи второй части трагедии, считая, что задачей исторического прогресса является не счастье отдельной человеческой личности, но уничтожение всякой возможности нищих на земле.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев
Фауст, траг. Соч. Гёте.
Перевод первой и
изложение второй
части. М. Вронченко.
1844. Санкт-Петербург

Появление нового перевода «Фауста»^[1] возбудило в нас разнообразные размышления насчет нас самих и нашей литературы. Несмотря на почти совершенное отсутствие действительных дарований, на множество слабых и пустых произведений, которыми наводнены наши книжные лавки, – общественное сознание, чувство истины и красоты растет и развивается быстро. Мы не намерены – теперь именно – входить в исследование причин подобного явления... вообще русский человек развивается так особенно, что в немногих словах невозможно представить читателю смысл и законы его внутреннего преобразования; но, например, несколько лет назад при появлении перевода «Фауста» г. Вронченко мы готовы были бы отделаться похвалами, назвать труд переводчика «событием» и т. д.; одно имя «Фауста» производило в нас впечатление довольно смутное и странное; мы чувство-

вали, что в этом произведении отразилась целая жизнь мыслящего, уже не юного, несколько чуждого нам народа, и – либо с простодушным благоговением склонялись перед созданием Гёте, в котором видели альфу и омегу всей человеческой мудрости, либо с торопливой поспешностью проходили мимо, отделяваясь словами: «туманное произведение!..» Впрочем, у нас даже до нынешнего дня слово «туманное» почитается естественным эпитетом всего немецкого. Теперь же... мы не намерены расточать преувеличенные похвалы нашей публике, тем более что она в них вовсе не нуждается; мы не скажем ей, что в последнее время она окончательно поняла и изучила Гёте и дошла, например, до ясного сознания того, что такое «Фауст» как произведение немецкое и в какой степени это произведение должно занимать нас – русских... нет, мы этого не скажем; но сознание нашей, публики в последние годы возмужало и окрепло; время безотчетных порывов и восторгов прошло для нее безвозвратно; она стала вообще холоднее и равнодушнее, как человек, которому надоело шутить и которому нравится одно дельное... Ее теперь едва ли ослепишь блеском великого имени; ее здравый смысл требует положительных доказательств – не в том, что Гёте великий поэт (она знает это лучше нас), но в том, действительно ли «Фауст» такое громадное создание?.. Приступая к разбору этой великой трагедии, мы чувствуем некоторую невольную робость... мы знаем сами, какой великий труд мы взяли на себя...

Разбор *вековых* творений, подобных «Фаусту», или весьма легок, или весьма труден... В первом случае стоит только «воскурить фимиам», употребить восторженные восклицания и т. д.: благо произведение великое, так уж и нечего толковать о нем! Большею частью так и поступают наши господа-критики. Но эти господа забывают, что ни одно великое творение не упало на землю, как камень с неба; что каждое из них вышло из глубины поэтической личности, которая только потому и удостоилась такого счастья, что весь смысл современной жизни отразился в ней не одними переходящими отголосками, но целым, иногда довольно мучительным, развитием характера и таланта; что чем выше, проще и нераздельнее произведение, тем сложнее и разнообразнее условия и процесс его *возникания*... С другой стороны, во все не нужно дойти до сознания этого процесса, чтоб вполне наслаждаться великим произведением, точно так же, как не нужно знать химический состав какого-нибудь прекрасного цветка, чтоб быть в состоянии любоваться им; непосредственная, несомненная, общепонятная красота – необходимая принадлежность всякого художественного создания. Но если уж человеческий дух решится понять и оценить то, чем он пленяется невольно, дознаться причин собственного наслаждения, то непростительно ему остановиться на полдороге: бесстрашная добросовестность и отчетливость до конца – вот главные достоинства критики в обширном смысле, которая, несмотря на вопли ее противников, никому еще

не сделала зла. Мы не говорим о самолюбивой, робкой или ограниченной критике людей, которым не хочется быть просто непосредственными натурами и между тем страшно или тяжело дойти до результатов собственных размышлений, – людей, которые целый век твердят дважды-два и никогда не скажут четыре или скажут, наконец, пять и будут хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло... Мы говорим о дельной критике. Вследствие всего сказанного о духе нашей публики мы надеемся удовлетворить ее потребностям, представив ей сначала в коротких словах род исторического изыскания о том, когда, как и почему возникла и созрела мысль о «Фаусте» в душе поэта, а потом и собственное наше воззрение на «Фауста». Историческое изыскание может иногда с успехом заменить чисто логические рассуждения, потому что ничего не может быть логичнее исторического развития, ясно и добросовестно представленного. Мы, бесспорно, можем ошибиться в наших выводах, но уже Лафонтен сказал:^[2]

J'aurais du moins l'honneur de l'avoir entrepris¹.

Гёте в записках своих,^[3] к сожалению, слишком поздно им начатых, оставил нам довольно верную и подробную картину состояния германской литературы до семидесятых годов прошлого столетия (он сам родился в 1749 году). Велики-

¹ Я по крайней мере имел бы честь его предпринять (*франц.*).

ми людьми этой эпохи были Клопшток, Виланд и Лессинг,^[4] в особенности Клопшток. Французская классическая школа (Готшед), швейцарская школа (Бодмер и др.)^[5] – обе прошли быстро и безвозвратно. Клопшток первый заговорил о народности в литературе, о бардах, об Арминии,^[6] о северной мифологии, отбросил рифму. Виланд, этот разнообразный, насмешливый и грациозный талант, своими многочисленными произведениями, переводами с греческого, английского, итальянского и французского, возбуждал и увлекал своих соотечественников; Лессинг, по преимуществу немецкий здравый и острый ум, основывал критику и драму – и, может быть, еще более, чем Клопшток, имеет право называться творцом немецкой словесности; он был одарен чрезвычайно замечательным полемическим талантом и здравым смыслом (впрочем, эти два качества почти неразлучны), и победы, одержанные им над людьми, подобными Клотцу^[7] и другим, спасли возникавшую германскую литературу от гибели, <которая могла ей угрожать в случае победы^[8]> ложных направлений. Заслуги этих трех писателей чрезвычайно велики; но ни одному из них не было суждено положительно выразить сущность своего народа и времени. У каждого народа есть своя чисто литературная эпоха, которая мало-помалу приуготовляет другие, более обширные развития человеческого духа; такая эпоха настала для Германии около семидесятых годов. Между тем как во Франции общество уже устарелое, испытанное внешними и внутренними

борьбами, не оставлявшее ни одного вопроса без разрешения и не удовлетворенное ни одним из этих разрешений, – между тем как это общество стремительно спешило к собственному разрушению, или, говоря правильнее, к собственному возрождению, – Германия только что приходила к сознанию собственной народности, к сознанию самой себя – не как общества, но как народа, говорящего одним языком и не имеющего на этом языке ни одного литературного памятника. До XVII столетия все немецкие ученые писали по-латыни и по-французски, как Лейбниц;^[9] поэты держались при дворе в качестве шутов и писали оды на разные торжественные случаи; немногие исключения, как-то: юмористы школы Ганса Сакса – Фишарт, Грифиус,^[10] свидетельствуя о добродушно-сатирическом направлении немецкого ума, не имели, впрочем, особенного значения; монархи германские, даже лучшие из них (вспомните Фридриха II) пренебрегали родным языком; одни лишь богословы со времени Лютера говорили и писали по-немецки. Но вот настала первая половина прошлого столетия. Философ Вольф отказался от латинского языка.^[11] Немецкая литература, еще юная и не самоубытная, устремилась по следам французской. Быстро один за другим начали возникать писатели, которых уже нельзя было, как Готшеда, причислить к сонму бездарных подражателей; Рамлер и Глейм явились в Берлине;^[12] начались критические исследования о самом языке, правда, довольно поверхностные, но для того времени чрезвычайно важные. На-

конец, явились те замечательные люди, о которых мы говорили выше. Но настоящий переворот, – то, что Гете назвал революцией германской литературы^[13] (ч. 26, стр. 68, изд. 1829), совершился между семидесятыми и восьмидесятыми годами прошлого века, в эпоху, которую немецкие критики (правильнее: Litterarhistoriker²) называют «периодом бури и стремления» (Sturm-und Drang-Periode).

Жизнь каждого народа можно сравнить с жизнью отдельного человека, с той только разницей, что народ, как природа, способен вечно возрождаться. Каждый человек в молодости своей пережил эпоху «гениальности», восторженной самонадеянности, дружеских сходок и кружков. Сбросив иго преданий, схоластики и вообще всякого авторитета, всего, что приходит к нему извне, он ждет спасения от самого себя; он верит в непосредственную силу своей природы и преклоняется перед природой как перед идолом непосредственной красоты. Он становится центром окружающего мира; он (сам не сознавая своего добродушного эгоизма) не предается ничему; он всё заставляет себе предаваться; он живет сердцем, но одиноким, своим, не чужим сердцем, даже в любви, о которой он так много мечтает; он романтик, – романтизм есть не что иное, как апофеоза личности. Он готов толковать об обществе, об общественных вопросах, о науке; но общество, так же как и наука, существует для него – не он для них. Такая эпоха теорий, не условленных действитель-

² историки литературы (нем.).

ностью, а потому и не желающих применения, мечтательных и неопределенных порывов, избытка сил, которые собираются низвергнуть горы, а пока не хотят или не могут пошевелить соломинку, – такая эпоха необходимо повторяется в развитии каждого; но только тот из нас действительно заслуживает название человека, кто сумеет выйти из этого волшебного круга и пойти далее, вперед, к своей цели. Подобная романтическая эпоха настала для Германии во время юности Гёте. Появилось множество так называемых гениальных молодых людей; молодость, непосредственность, природа, самобытность – эти слова звучали в устах у каждого; никому бы в голову не пришло тогда написать «Разбойников» – потому что всякого занимали только собственные радости и страдания, – но многие надеялись попасть прямо в Шекспиры; в то время Виланд и Эшенбург познакомили с ним Германию^[14] и их переводы жадно поглощались читателями. Любовь к Шекспиру пробудила любовь к средним векам, к которым можно чувствовать влечение только тогда, когда в действительности народ вполне от них отторгнулся; а это отторжение совершилось в Германии довольно поздно. Движение умов во Франции – Вольтер, Руссо, энциклопедисты – всё, что так глубоко, так-сильно потрясло потом весь мир, в то время находило весьма мало сочувствия в Германии, и ландграфы преспокойно продолжали продавать своих подданных англичанам, воевавшим с непокорными американцами.^[15] Вот что говорит сам Гёте в третьей части сво-

ей автобиографии:

Когда нам случилось раскрыть одну из частей энциклопедического словаря (известное издание Дидро и Даламбера), нам казалось, что мы зашли в огромную фабрику, где со всех сторон скрипят и вертятся колеса, непостижимым образом двигаются машины, и мы, не понимая цели всех этих движений, приходили в полное отчаяние... Жаркий спор французских философов с духовенством не возбуждал нашего внимания. Запрещенные, к огню присужденные книги, которые тогда делали много шума, не имели на нас никакого влияния... Природа была нашим божеством...^[16]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Появление нового перевода «Фауста»... – Первый полный перевод первой части «Фауста», принадлежащий Э. И. Губеру (1814–1847), появился отдельным изданием в 1838 г., с большим количеством цензурных изъятий (см.: Жирмунский В. Указ. соч., с. 527–533).

2.

...уже Лафонтен сказал... – Тургенев цитирует далее посвящение «A Monseigneur le Dauphin» (1668) Лафонтена.

3.

Гёте в записках своих... – Автобиографическое сочинение Гёте «Aus meinem Leben. Wahrheit und Dichtung» <Из моей жизни. Правда и поэзия>, работу над которым он начал, когда ему было уже более 60 лет. I–III части этого труда были опубликованы в 1811–1814 гг., последняя, IV часть – посмертно, в 1832 г.

4.

Великими людьми этой эпохи были Клопшток, Виланд и Лессинг... – Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724–1803) – немецкий поэт, пытался в своих произведениях выразить свободу чувства и фантазии, предвосхищая тем самым эстетическую программу «бури и натиска». Виланд

(Wieland) Генрих (1733–1813) – немецкий писатель и поэт, автор религиозно-дидактических поэм, первого в Германии просветительского «романа воспитания» «Агатон» (1766) и др., переводчик Шекспира. Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781) – немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель.

5.

Французская классическая школа (Готшед), швейцарская школа (Бодмер и др.)... – Готшед (Gottsched) Иоганн Кристоф (1700–1766) – немецкий писатель и критик, представитель раннего немецкого просвещения. Будучи приверженцем французского классицизма, переводил на немецкий язык П. Корнеля, Ж. Расина, Мольера и др. Бодмер (Bodmer) Иоганн Якоб (1698–1783) – швейцарский критик и поэт, в книге «Критическое рассмотрение чудесного в поэзии» (1740), полемизируя с Готшедом, придал большое значение роли чувства и воображения в народной поэзии.

6.

...Клопшток первый заговорил ~ о бардах, об Армиипии... – Тургенев имеет в виду так называемые «бардиты» (от слова «бард») Клопштока, его национальные драматические поэмы – «Hermanns Schlacht» (1769), «Hermann und die Fürsten» (1784), «Hermanns Tod» (1787). Арминий —

латинская форма имени Германа, вождя херусков, который отразил римское нашествие на германские земли, одержав победу над легионами Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). О Клопштоке см. у Гёте: «Правда и поэзия», ч. III, кн. 12.

7.

...над людьми, подобными Клотцу... – Христиан Адольф Клотц (Klotz, 1738–1771) – немецкий филолог, критик и журналист; выступил против ряда положений, высказанных Лессингом в трактате «Лаокоон» (1766). Лессинг воспользовался этим случаем, чтобы разоблачить его в своих «Антикварских письмах» (1768) как псевдочеловека и пасквилянта.

8.

...<которая могла ей угрожать в случае победы>... – Редакторская конъектура вызвана явным искажением фразы в первопечатном журнальном тексте, перешедшим и в издание 1880 г.

9.

Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий философ-идеалист, математик, физик и изобретатель, юрист, историк и языковед, оказал значительное влияние на последующее развитие философии и науки.

10.

...юмористы школы Ганса Сакса – Фишарт, Грифиус... – Сакс (Sachs) Ганс (1494–1576) – немецкий поэт, автор фастнахшпилей и шванков (масленичных народных представлений), в которых с юмором изображал крестьянский быт, распутство католических клириков, буйство ландскнехтов. Фишарт (Fischart) Иоганн (1546 или 1547–1590) – немецкий сатирик, публицист и моралист. Изображал пороки и добродетели бюргерской среды, обличал католическую церковь и иезуитов, славил прилежание и труд горожан. Грифиус (Griphius) Андреас (1616–1664) – немецкий драматург, сторонник классицизма, комедии которого однако интересны наличием в них реалистических тенденций и поисками национального колорита. Все комедии Грифиуса написаны прозой, на немецком языке, а их простонародные персонажи говорят на силезском диалекте.

11.

Философ Вольф отказался от латинского языка. – Христиан Вольф (1679–1754) настаивал на том, что немецкий язык является вполне подходящим орудием для определения самых тонких понятий, и написал одно из своих главных сочинении («Разумные мысли о боге, о мире и о человеческой душе, а также и о всяких других предметах»,

1720) на немецком языке.

12.

...Рамлер и Глейм явились в Берлине... – Рамлер (Ramler) Карл Вильгельм (1725–1798) – поэт, видный участник кружка литераторов-просветителей, писал оды, переводил античных авторов. Глейм (Gleim) Иоганн Вильгельм Людвиг (1719–1803) – немецкий поэт, один из основателей Галльского союза поэтов-анакреонтиков, автор «Прусских военных песен» (1788), в которых звучат мотивы национального единства немецкого народа.

13.

...Гете назвал революцией германской литературы... – Эти слова имеются в автобиографическом сочинении Гёте «Правда и поэзия», ч. III, кн. 11; Тургенев ссылается на 26 том издания: Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. Stuttgart und Tübingen, 1828–1830. Это издание с пометами Тургенева сохранилось в библиотеке писателя, находящейся теперь в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

14.

...но многие надеялись попасть прямо в Шекспиры; в то время Виланд и Эшенбург познакомили с ним Германию... – В 1762–1766 гг. Виланд сделал прозаический перевод

Шекспира, который впоследствии обработал Эшенбург (1743–1820). Об увлечении Шекспиром в Германии и о его немецких переводах Гёте говорит в 11 книге (часть III) своей автобиографии.

15.

...ландграфы преспокойно продолжали продавать своих подданных англичанам, воевавшим с непокорными американцами. – Личная свобода крестьян в Германии была провозглашена в 1807 г. Октябрьским эдиктом. Тургенев, имеет в виду войну, которую вела Северная Америка в 1775–1783 годах против английского колониального господства, закончившуюся созданием независимого государства – Соединенных Штатов Америки.

16.

«Когда нам случалось ~ нашим божеством...» – Эти цитаты взяты Тургеневым из разных мест 11 книги (III части) автобиографии Гёте.